

На следующий день на утреннем заседании чиновники в самом деле представили ко двору донесения о движении северных варваров. Придворные пришли в возбуждение и быстро разделились на три лагеря. Одна из фракций выступала за то, чтобы выждать и принимать решение после долгого наблюдения за противником. Другая выступала за немедленную отправку войск к границе. Третья настаивала на подробном обсуждении, назначении эмиссара и мирных переговоров со вздорными соседями.

Последняя коалиция оказалась самой малочисленной; всего пять или шесть человек. Но двое из них служили в военном министерстве, что привлекло внимание императора. Правитель без лишней шумихи определил следующий шаг относительно предполагаемых предателей родины и сосредоточил внимание на тех, кто еще мог послужить династии.

Людей, что выступали за немедленную отправку войск, становилось все больше. И Лун Сяюань назвал имена проверенных генералов, что возглавят отряды, а во главе многотысячной армии, конечно же, встанет Ши Циншань. Едва его титул был произнесен во всеуслышание, как толпа на мгновение затихла, после чего начала скандировать:

— Как мудр Ваше Величество! Да здравствует Ваше Величество!

Лун Сяюань внимательно следил за реакцией членов третьей фракции, надеясь, что те начнут возражать и тем самым развяжут ему руки. Однако предатели оказались умнее, чем предполагал император. Оставшись в тени, они не стали принимать участия в громогласном обсуждении.

Итак, никто из числа министров не осмелился противиться воле монарха и Ши Циншань получил пост главнокомандующего. После заседания они вдвоем где-то на полчаса уединились в кабинете правителя. Никто из евнухов не был допущен на тайное совещание, после которого Ши Циншань отправился готовиться к походу.

Закончив с делами, Лун Сяюань отправился во дворец возлюбленного, разделив с тем утреннюю трапезу.

— Твой отец собирается отправиться на северную границу, хочешь ли ты отправиться к нему и понаблюдать за сборами? — неожиданно спросил император.

Ши Цинчжоу, не особенно задумываясь о подтексте вопроса, покачал головой:

— Там не на что смотреть.

Сяюань прищурился, молча наблюдая за тем, как возлюбленный походит к окну. Как бы он ни притворялся, его взгляд все равно останавливался на северной стене запретного города, напоминая императору о том, что его горячо любимый супруг когда-то желал пойти по стопам отца и долго служил в армии. Вспомнил, что люди пророчили ему славу одного из самых молодых генералов...

После стольких походов и других свобод полевой жизни пребывание во дворце должно казаться Цинчжоу настоящим заключением. Вряд ли в мире найдется мужчина, что не имеет амбиций. Вряд ли найдется тот, кому понравится роль женщины, супруги в золотой клетке...

Сердце императора дрогнуло и начало биться быстрее. Их отношения с Цинчжоу наладились, но Сяюань все еще чувствовал неловкость. Ему казалось, что он упускает одну маленькую, но важную деталь.

Все верно. Оригинальный монарх плохо относился к супругу, поэтому генеральскому сыну было, где развернуться и проявить таланты. Все его амбиции были направлены на восстание и захват власти. Он никогда не был беспомощным. И даже если сейчас ситуация сгладилась и в царственной семье наступил мир, амбиции Ши Цинчжоу никуда не делись.

Даже в прошлом, когда император издевался над молодым человеком, тот стоически переносил оскорбления. Вел себя, как и подобает мужчине. А что же сейчас? А сейчас генеральскому сыну некуда выплеснуть гнев. Ему больше не нужно сражаться с императором. Они старались быть достойными друг друга, старались показывать себя только с лучшей стороны. Получив все и даже больше, Цинчжоу вряд ли задумывается о мятеже и убийстве нынешнего правителя.

Но это не значит, что в его венах не кипит кровь. Не значит, что он не хочет сражаться. Не значит, что ему нравится жить во дворце...

— Цинчжоу... — поднимаясь из-за стола и проходя к возлюбленному, Сяюань взял молодого человека за руку, практически рывком разворачивая к себе. — Посмотри на меня.

— М? — застыла на месте императрица.

— Ты хочешь отправиться на север вместе с отцом?

Будто громом пораженный, Ши Цинчжоу с полминуты не моргая смотрел на супруга. Искал подвох? Попытался в чем-то себя убедить? Кто знает, но вскоре его плечи расслабились, а привычная легкая улыбка вернулась на свое законное место:

— Как я могу? Я не должен...

— Я спросил тебя не о долге. А хочешь ли ты отправиться на границу. Ведь хочешь? — прервал собеседника Сяюань.

Отведя взгляд, молодой человек долгое время не давал ответа:

— Некоторые вещи нельзя сделать просто захотев...

— А если можно, — затаил дыхание император.

Дыхание Цинчжоу стало глубже. Он с намеком на надежду и недоверием смотрел на супруга, ожидая его следующих слов.

— Ведь для тебя этот дворец просто тюрьма, так? — горько улыбнулся император.

Сердце молодого человека сжалось, словно от боли. Он искренне хотел опровергнуть слова монарха, но рот-предатель не хотел открываться и выдать хоть одну дельную фразу.

Не нужно быть ясновидящим, чтобы прочесть эмоции возлюбленного. Лун Сяюань принял решение. Его речи стали мягче:

— Ты и сам знаешь, что на этот раз варвары зашли слишком далеко и продемонстрировали свои волчьи амбиции. Они вероломно посягнули на свободу нашей страны. Неужели за стенами столицы не найдется достойных, способных дать им отпор, людей?

Губы Цинчжоу дрожали.

— Да, мне самому нет смысла идти на войну. Но раз уж моя императрица мужчина, тем более воин, почему бы тебе не выйти на передовую от моего имени? Во времена Тайцзу великая императрица, он же генерал Вэнь Юань не поступал так же? Я ведь уже говорил что хочу, повторить их опыт. Это непустые слова — это возможность.

Ши Цинчжоу не произнес ни звука. Его пристальный взгляд не сходил с лица Его Величества.

— Значит, решено, — похлопав молодого человека по плечу, улыбнулся мужчина.

— Лун Сяюань... — прохрипел парень, с большим трудом открывая рот. — То, что ты говоришь... правда?..

Император беспомощно посмеялся:

— Я произнес целую речь, разве мои слова похожи на шутку?

Сердце молодой императрицы затрепетало. Не зная, куда себя деть, Цинчжоу позволил Его Величеству взять себя за руки.

— В моих словах нет ни грамма лжи. Я знаю, что ты хочешь пойти. И ты пойдешь. А я буду ждать здесь во дворце. Ждать когда отец и сын привезут мне хорошие вести с фронта.

Если говорить откровенно, Ши Цинчжоу не знал, как реагировать. Не знал, что сказать. Его обуревали сложные, не поддающиеся описанию чувства.

— Я подготовлю указ, ты можешь начинать готовиться к походу, — Лун Сяююань и сам не знал, что может добавить. Поэтому решил заняться нюансами.

Через два дня многотысячная армия выступила. И императрица Ши Цинчжоу наравне с прославленным генералом вышла с армией. Конечно, среди министров нашлись недовольные назначением гаремного жителя во главе армии, но Лун Сяююань заставил всех прикрыть рты напоминанием о великой императрице Вэнь Юань.

Войско вышло из столицы. Ши Цинчжоу вдохнул приятный, сладковатый воздух и обернулся, но не увидел на внешней стене хорошо знакомой фигуры. Его никто не провожал, отчего в сердце предательски дрогнуло, а руки сжали поводья.

С тех пор как Сяююань дал ему разрешение отправиться на фронт и издал указ, меж ними что-то изменилось. Нет, император по прежнему дарил избраннику всю свою любовь и ласку, но что-то все-таки было не так. Они, как и прежде, вместе завтракали, Сяююань не покидал дворец Цинчжоу, занимаясь делами, просто они стали меньше разговаривать. Спали в одной постели, но уже не касались друг друга...

Вчера, когда томление стало невыносимо, Цинчжоу сам проявил инициативу, ожидая быстро раззадорить супруга и получить законную ночь любви, но император просто его обнял и нежно поцеловал в лоб.

— Цинчжоу, — прошептал Сяююань ему на ухо. — Завтра ты отправляешься в поход. Тебе придется долго находиться в седле, поэтому я ничего не буду делать.

Кажется, то был первый раз, когда Ши Цинчжоу набрался смелости попросить любви, получив ласку, но не остался той доволен. И нет, забегая вперед, следует сказать, что некоторая отстраненность не заставила Ши Цинчжоу передумать. Он столько лет ждал момента вновь взобраться на лошадь. Столько лет мечтал о ветре, что будет бить в лицо, о тяжести меча, которым он будет поражать врагов. Воспоминания о свободе добавляли решительность взгляду генеральского сына.

Он не пожалеет. Ни сейчас, ни в будущем! Хотя чувствовал, что вскоре появится невообразимое количество причин, которые заставят его еще раз обдумать свое решение. Но не в момент, когда он с армией шагнул за пределы столицы и отправился на север.

Это был его шанс. Его самая заветная мечта. Как он мог отказаться от того, о чем грезил ночами? Лун Сяююаню нужно немного подождать. Набраться терпения, ведь потом Цинчжоу встанет рядом с ним. Останется в его тени, будет настоящей императрицей! Просто императрицей...

Когда войско покинуло столицу, Лун Сяюань взошел на крайнюю стену запретного города и тяжело вздохнул. Они с Цинчжоу только расстались, а он уже соскучился. Как оказалось, чтобы полюбить человека всем сердцем не требуется много времени. Вот если бы он влюбился в женщину, если бы ему приглянулась одна из наложниц, вряд ли бы его сердце сейчас терзала та же тоска.

Но Ши Цинчжоу, его избранник, его душа — мужчина.

Не будет ложью сказать, что Лун Сяюань прекрасно понимал чаяния возлюбленного. Для него самого дворец стал золотой клеткой. Но статус обрек мужчину на пожизненное прозябание в крепких стенах в рассаднике змей и надоедливых насекомых.

Сяюань не желал того же для Цинчжоу. Он понимал, что, перерезав поводок, сможет продемонстрировать свою истинную привязанность и любовь. Только поэтому и написал указ. Но оставшись один, пусть немного, но все же жалел об этом. Теперь в его тюрьме не осталось близких людей. Жаль, что в этом мире так сложно совмещать то, что нужно и то, что хочется.

<http://bllate.org/book/14215/1253503>